

Рина
РАЙТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РАЗВОД

ЛЮБОВЬ *в 45*
НЕ ПО ПЛАНУ

18+

Рина Райт
Развод в 45.

Любовь не по плану

Серия «Счастье не за горами», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73486033

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы с Петром прожили вместе двадцать пять лет. Снаружи наш брак казался идеальным: успешные карьеры, уютный дом, общие мечты. Но неудачные попытки ЭКО разрушили наше желание стать родителями. Я смирилась, спрятав боль глубоко в себе, а муж просто ушёл в работу. В день нашей годовщины Петр привёл в ресторан молодую беременную девушку.

– Она вынашивает нашего ребёнка, – сказал он.

Но я в это не верю.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	61
Глава 11	67
Глава 12	73
Глава 13	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Рина Райт

Развод в 45.

Любовь не по плану

Пролог

Ночной город пробуждался, раскрашивая свои тёмные улицы неоновыми бликами. Огни рекламы разрывались в лучах, создавая калейдоскоп цветных отражений. В воздухе смешались запахи дождя, бензина и чего-то едва уловимого, но до мурашек знакомого – запаха адреналина и свободы. Где-то на самой окраине города, там, где гул машин заглушает здравый смысл, собирались те, кто жил на грани. Люди, для которых скорость была не просто увлечением, а способом дышать.

Артём стоял у края трассы, облокотившись на свой чёрный, матовый "Ямаха R1". Его байк выглядел, как хищник, замерший перед прыжком: массивный, с тонкими резкими линиями и шрамами от былых гонок. Шлем висел на согнутой руке, а другая с ленивой грацией крутила сигарету между пальцами. Когда дым догорел до фильтра, Артём стряхнул пепел с таким видом, будто бросал вызов самому небу.

Внешность Артёма бросалась в глаза. Высокий, с креп-

ким телосложением, он двигался с уверенностью хищника, который знает, что ему нет равных. Темно-русые волосы растрепаны ветром, непослушные пряди падали на лоб, но он, казалось, и не думал их поправлять. Лицо с резкими скулами и едва заметной щетиной будто вырезано из камня – суровое, но чарующее. Карие глаза, глубокие и тёплые, таили внутри искру опасности и неуловимого магнетизма. Улыбка – хищная, на грани насмешки и дерзости – могла одним своим видом заставить забыть о здравом смысле. Он был из тех, кто притягивает взгляды и вызывает восхищение, даже когда просто молчит.

– Тёмыч, ты сегодня хоть дашь шанс выиграть, а? Или опять будешь звездой вечера? – крикнул кто-то из толпы.

Артём медленно поднял бровь, будто спрашивая: "Вы серьёзно?" – и толпа разразилась смехом. Его лукавая полуулыбка вспыхнула так внезапно, что даже дождь показался теплее.

– Шанс? Ну, ребят, вы же знаете, без шоу всё это не имеет смысла. А шоу – это я, – он небрежно затушил окурок ботинком и расправил плечи, словно собирался к прыжку. – Так что извиняйте, сегодня снова без сюрпризов.

Толпа взорвалась одобрителными выкриками, кто-то громко свистнул. Артём, казалось, не обращал внимания – его взгляд уже был прикован к байку. Ему не нужны были овации. Для него важна была только скорость – та самая грань, на которой ты понимаешь, что живёшь.

Любовь к скорости Артёму привил отец. Он часто рассказывал, как в молодости участвовал в любительских гонках на старенькой "Ладе", и с какой гордостью хранил свой первый кубок, стоявший на полке в гараже. Для Артёма это было чем-то магическим – свобода, риск, ощущение, что ты можешь управлять самой судьбой, держась за руль. С пятнадцати лет отец стал брать его с собой на трек. Сначала просто смотреть, потом помогать – регулировать давление в шинах, проверять масло, держать инструменты. Но вскоре наступил момент, когда он впервые позволил сыну самому сесть за руль.

Артём тогда почти дрожал от предвкушения. Небольшой трек, пустая трасса, старенький мотоцикл, который больше напоминал ржавое чудовище, чем машину мечты. Но это не имело значения. Едва он провернул ключ, рёв двигателя наполнил воздух, и что-то внутри щёлкнуло. В тот день Артём впервые почувствовал, что значит быть единым с дорогой. Ему было пятнадцать, но он уже знал, что не сможет жить без этого чувства.

Отец стоял в стороне, наблюдая, как сын, с трудом справляясь с управлением, делает круг за кругом. Артём почти падал на каждом повороте, но не сдавался. И когда он вернулся, пыльный, измученный, но с широкой улыбкой, отец хлопнул его по плечу и сказал:

– Ну, сынок, похоже, у тебя это в крови.

Но не все в семье разделяли этот энтузиазм. Мать все-

гда нервно ходила из угла в угол, когда отец увозил Артёма на трек. Она сердилась, ругалась, убеждала, что всё это безрассудно и опасно, что он "угробит их единственного сына". Каждый раз, стоило Артёму шагнуть за порог с шлемом под мышкой, она бросала ему вслед короткие, тревожные взгляды, а потом, обернувшись к отцу, начинала спорить.

– Ты хоть понимаешь, что делаешь? Ты просто позволяешь ему сесть за руль! Он ещё ребёнок, а ты уже пихаешь его под скорость, как под пули! – она почти кричала, а голос её дрожал от страха.

Но отец лишь отмахивался. Его уверенность была непробиваемой.

– Перестань, Лена. Он парень, он должен это понять. Разве плохо, что у нас с ним есть общее дело? Это не опаснее, чем на велосипеде гонять по двору.

– Это не велосипед! – резко отвечала она, её глаза искрились беспомощной яростью. – Когда что-то случится, ты меня послушаешь? Нет, ты будешь стоять над его больничной койкой и жалеть. Только будет поздно.

Отец вздыхал, но больше ничего не говорил. Для него споры были бессмысленны. Он верил, что Артём не просто мальчишка, мечтающий о скорости, а человек, который чувствует дорогу так, как не чувствует никто. Он считал, что это дар. И что этот дар нельзя подавлять.

Эти разговоры всегда заканчивались одинаково. Отец уезжал с Артёмом, а мать оставалась одна, сидя на кухне с чаш-

кой чая, которая постепенно остывала в её руках. Она так и не смогла принять страсть сына, но это не мешало ей ждать с замиранием сердца каждого его возвращения. И каждый раз, когда он переступал порог, она незаметно облегчённо вздыхала, стараясь не показать сыну, как она за него боится.

С тех пор дорога стала для Артёма больше, чем просто увлечением. Она была не просто адреналином – это была связь с отцом, который верил в него, и молчаливое противостояние матери, которая больше всего на свете боялась его потерять.

– Артём! – раздался звонкий голос, перекрывая шум моторов и разговоров.

Он обернулся, и Алина словно вынырнула из ночи. Её светлые волосы, немного влажные от дождя, мягко сверкали в свете фонарей. Голубые глаза смотрели на него так, как никто больше смотреть не мог. Она была невесомой – лёгкие джинсовые шорты, белая куртка и кроссовки делали её похожей на ребёнка, сбежавшего в этот опасный мир ночных гонок.

– Скучал? – она подошла ближе, улыбаясь и поправляя куртку.

– Ты даже спрашиваешь? Тут без тебя так скучно, что я уже шутки Михи начал слушать, – он чуть наклонился к ней, и его голос стал тише, почти интимным.

Алина звонко рассмеялась, хлопнув его по груди.

– Ох, всех оскорбил заодно. Красавчик, – подмигнула она,

приподнимаясь на носочки. Её губы коснулись его в лёгком, почти невинном поцелуе. – На удачу.

– Это разве на удачу? – усмехнулся Артём и, положив ладонь на затылок Алины, притянул её для более интимного поцелуя. Её губы легко приоткрылись, и Алина почти застыла от того, как жадно целовал её Тёма.

– Вот это на удачу, – прохрипел он, когда смог оторваться от своей девочки. – После гонки поедешь ко мне?

Глаза Алины затуманились, и всё, на что её хватило, – это просто кивнуть и сделать пару шагов назад.

Артём подмигнул ей, а затем накинул шлем. Рёв мотора заглушил всё вокруг. Толпа начала скандировать, музыка из колонок накатила новой волной. Дождь усиливался – холодные капли барабанили по кожаной куртке, но Артём чувствовал лишь тепло от разгоравшегося в груди адреналина.

– Сегодня я тебя сделаю, Тёмыч! – крикнул Миха справа, поравнявшись с ним на трассе.

– Попробуй, – коротко бросил Артём, взгляд его устремился вперёд. В этом моменте было всё: вызов, азарт, и... полная уверенность в победе.

Зелёный свет прорезал ночь, и они сорвались с места, как выпущенные из катапульты стрелы. Байк зарычал, выбрасывая клубы дыма из-под колёс. Артём вжался в седло, позволяя двигателю реветь всё громче. Ветер хлестал по лицу, мир вокруг сливался в размытые тени. Лишь дорога впереди оставалась чёткой, словно она была вырезана специально

для него.

Мотоцикл слушался его, как продолжение тела, каждый поворот, каждый рывок был точным и выверенным. Сердце билось в такт рёву двигателя, адреналин струился по венам, заполняя каждую клетку тела. Он не просто ехал, он летел – первый, недостижимый, как всегда.

Но даже короли ночи могут оступиться. Один предательский поворот, мокрый гравий под передним колесом. Байк резко дёрнулся, потеряв сцепление с дорогой. На мгновение Артём почувствовал, как всё вокруг замирает. Тишина. Время остановилось. А затем его сорвало в сторону вместе с байком, и они исчезли за пределами трассы.

Наступила оглушающая тишина. Лишь дождь продолжал барабанить по холодному асфальту.

Глава 1

– Простите, Дарья Константиновна, – виновато говорит Вячеслав, глядя на меня через зеркало заднего вида. – Все улицы завалило снегом. Мест просто нет.

– Ничего страшного, Слава, – отвечаю я, хотя внутри всё кипит.

Мой водитель уже больше двадцати минут кружит по заснеженным улицам, пытаюсь найти хоть одно свободное место для парковки. Сегодня годовщина нашей свадьбы, и я снова опаздываю. Пётр, наверное, уже сидит за столиком в ресторане, проверяя часы. Вячеслав делает ещё один круг. Телефон в руке оживает – звонит Пётр.

– Даша, ты где? – его голос звучит ровно, но я слышу скрытую усталость.

– Слава ищет парковку, – быстро отвечаю. – Ещё немного, и я буду на месте.

– Ладно. Я за нашим столиком, – спокойно говорит он.

– Поняла, Петь. До встречи, – завершаю разговор, стараюсь сохранить мягкость в голосе.

Вячеслав наконец находит место у обочины. Я быстро выхожу из машины, запахивая на себе длинную шубу. Снег падает мягкими хлопьями, ложится на волосы и плечи, мгновенно тает на коже. Мороз слегка обжигает щёки.

Я вхожу в ресторан, и теплота охватывает меня сразу же,

как только за мной захлопывается дверь. Пока гардеробщик принимает мою шубу, я успеваю оглядеть свой внешний вид в зеркале. Прическа идеальна, как и макияж. Не зря я провела в салоне больше двух часов.

Гул голосов, музыка рояля, мерцание свечей – всё здесь дышит уютом и праздничностью. Несколько человек оборачиваются, когда я прохожу мимо. Прямая спина, идеально сидящее платье, туфли на высоченных каблуках, в которых я двигаюсь так уверенно, будто родилась в них. Со стороны всё выглядит безупречно. Красота, ум, успех – кажется, у меня есть всё. Моя сеть бутиков класса люкс выросла из небольшой идеи в настоящую империю. Я – та женщина, которой все восхищаются. Но если смотреть чуть глубже, можно увидеть, что всё это – лишь фасад. Улыбка на моём лице – часть делового образа, ровно как и моё платье. Это не радость, а просто ещё один аксессуар.

Я замечаю Петра за нашим привычным столиком у окна. Он ждёт меня, сидя с прямой спиной, спокойный, как всегда. Когда я подхожу, он поднимает взгляд и дарит мне лёгкую улыбку. Он встаёт, чтобы оставить на моей щеке сухой поцелуй, который уже давно не несёт ни теплоты, ни нежности.

– Привет, – говорю я, вешая сумочку на крючок возле нашего столика.

– Привет, – отвечает он. Мы садимся напротив друг друга. Официант появляется почти сразу, разливая шампанское по бокалам.

Бутылка уже открыта – он не стал меня дожидаться.

– За нас, – произносит Пётр, поднимая бокал.

– За нас, – эхом повторяю я, стараясь улыбаться.

Мы пьём молча. Мой взгляд пробегает по его лицу, его рукам, идеально выглаженной рубашке и запонкам из белого золота – это мой подарок на пятнадцатую годовщину. Всё, как всегда, безупречно.

Мы с Петром – пара из журнала. Вместе мы вызываем зависть. Он – успешный бизнесмен, я – королева модной индустрии. Но за этими фотографиями и статьями скрывается совсем другая история. Наши разговоры давно стали короткими деловыми репликами, а вечера – тихим молчанием в разных концах огромного дома. Мы не спорим, не ругаемся.

Наш брак давно превратился в пустую формальность, и ни один из нас уже не пытался что-то исправить. Я часто думаю, где всё пошло не так. Может, тогда, когда мы отчаянно пытались стать родителями? Шесть неудачных попыток ЭКО, последний выкидыш пять лет назад. Я выдержала всё это, но каждый раз что-то внутри меня трескалось. Пётр же ушёл в работу, спрятавшись от боли. Мы пытались расстаться, я даже подавала на развод, но привычка оказалась сильнее. Дом, общие проекты, устоявшийся порядок жизни – всё это удерживало нас рядом. Так мы и живём, будто чужие, но всё ещё вместе.

– Тебе идёт это платье, – голос Петра возвращает меня в реальность.

– Ты каждый раз это говоришь, – отвечаю я, отводя взгляд.

– Потому что это правда, – отвечает он, опуская бокал.

Я пытаюсь расслабиться, но его слова, его интонация, его взгляд – всё кажется мне неправильным. Я знаю Петра уже двадцать пять лет и могу чувствовать каждую тень в его настроении. Сейчас он напряжён.

– Дарья, – наконец произносит он моё имя. Его голос звучит тихо, но я моментально настораживаюсь.

– Что-то случилось? – спрашиваю я, не сводя с него глаз.

– У меня для тебя подарок, – отвечает он, аккуратно складывая руки на скатерти. Я смотрю на мужа, ожидая продолжения.

– Мне бы хотелось, чтобы ты оценила его по достоинству, – произносит он, и я замечаю, как его пальцы чуть заметно дрожат.

– Заинтриговал, – говорю я, делая глоток игристого.

Пётр смотрит на ручные часы.

– Дашуль, обещай, что примешь мой подарок.

– Когда это я не принимала от тебя подарков? – пытаюсь пошутить, но он смотрит на меня серьёзно.

Затем переводит взгляд за мою спину, и его глаза теплеют. На его лице проступает лёгкая, искренняя улыбка. Я оборачиваюсь, потому что замечаю какое-то движение. К нашему столику подходит девушка. Молодая, лет двадцати пяти. Светлые волосы мягкими волнами спадают на плечи, а

в голубых глазах читается лёгкое смущение. Она красива. Слишком красива. На ней свободное кремовое платье, подчёркивающее её беременный живот. Я замираю.

– Дарья, – голос Петра звучит тихо, но в нём я слышу напряжение. – Познакомься, это Яна.

Я смотрю на неё. На её лице расплывается самодовольная улыбка. Мне казалось, что я уже ничего не чувствую. Ни ревности, ни собственничества по отношению к Петру. Но я ошибалась. Что-то всё-таки я чувствую.

Пётр встаёт, подходит к девушке и кладёт ладонь на её выпирающий живот.

– Яна вынашивает нашего ребёнка, – произносит он.

Его слова звучат так же тихо, как всё остальное в ресторане. Лишь звуки рояля доносятся до меня, будто издалека. Свеча на столе едва заметно колеблется.

Всё, что я могу делать, – это сидеть, сжимая бокал шампанского так сильно, что боюсь: он треснет в моей руке.

Глава 2

– Яна всего лишь суррогатная мать, – произносит Пётр, но я не могу оторвать взгляд от этой девушки.

Она будто вышла из рекламного ролика: светлые волосы мягкими волнами обрамляют её лицо, кожа сияет, как фарфор. Платье сидит безупречно, подчёркивая её лёгкость и молодость. Она выглядит слишком идеально, слишком ухоженно, чтобы быть случайным человеком в нашей жизни.

Слишком юная. Слишком дерзкая.

И это ощущение – едва уловимый налёт высокомерия, сквозящий в каждом её движении, в её взгляде – заставляет мои пальцы непроизвольно сжаться в кулаки. Это чувство... раздражение, смешанное с глухой тревогой, будто передо мной враг, которого я ещё не распознала.

Она не просто суррогат.

Здесь явно что-то не так.

Я перевожу взгляд на Петра. Его руки лежат на столе, но я замечаю, как они слегка подрагивают. Его уверенность кажется мне театральной. Глаза... они мечутся, то задерживаясь на мне, то возвращаясь к Яне, словно он боится, что я могу что-то заметить.

Это не похоже на него.

Яна садится напротив, изящно скрестив ноги, и поворачивается к Петру. И по ее взгляду на моего мужа я все по-

нимаю. Это просто невозможно не понять. Это взгляд женщины, которая любит.

И любит она моего мужа.

Я чувствую, как в груди поднимается тяжесть, а в горле образуется ком. Меня накрывает волна тошноты – не от окружающих, а от самой себя. Когда же я успела так ослепнуть? Как могла не заметить, что мой муж давно перестал быть моим?

– Даша, – Пётр наклоняется ко мне. Его голос мягкий, почти умоляющий. – Это всё ради нас. Ради нашей семьи. Ради ребёнка, о котором мы столько лет мечтали.

Семьи? Мой взгляд холодно упирается в него. Это слово звучит в моих ушах как насмешка.

– Семьи? – в моём голосе слышится тихая, но опасная нотка.

Я снова смотрю на Яну. Её осанка – идеальная, безупречная, почти вызывающая. Взгляд уверенный, а живот... этот живот, округлившийся, будто специально выставленный на показ, словно она гордится тем, что носит ребёнка, который якобы мой.

Единственная мысль, которая гулким эхом отзывается в моей голове: это не может быть моим ребёнком. Это просто невозможно.

– Пётр, – я возвращаюсь к нему. Внутри меня что-то ломается, но я стараюсь говорить ровно. – Ты же помнишь, сколько попыток ЭКО закончились провалом? Через что мне при-

шлось пройти? Может быть, тебе стоит напомнить, что я не могу иметь детей? Не-мо-гу.

Он напрягается. Его спина выпрямляется, будто он готовится к защите.

– Это был последний эмбрион, – произносит он тихо, едва удерживая мой взгляд.

Последний эмбрион.

Эти слова режут сознание, словно лезвие. Вся боль, которую я так долго закапывала глубоко в себе, разом вырывается наружу.

– Последний? – в моём голосе звучит злость. Я чувствую, как она накрывает меня, как кровь приливает к лицу. – Ты хочешь сказать, что внезапно, через пять лет после того, как врачи сказали нам "нет", у тебя появился наш эмбрион?

– Да, – его голос дрогнул. Его руки снова слегка задрожали. – Это произошло вопреки всему. Я подумал, что мы должны попробовать. Ради нас.

Я откидываюсь на спинку стула, горько усмехнувшись.

– Ради нас? – повторяю я. Эти слова звучат так фальшиво, что мне становится почти смешно. – А ничего, что я даже не знала об этом?

Яна сидит, наблюдая за нами. Её лицо остаётся бесстрастным, но в глазах мелькает что-то странное. Ни моей злости, ни напряжённой атмосферы её не смущает. Более того, мне кажется, что она получает от этого удовольствие.

– Через месяц у нас родится сын, – произносит Пётр с

торжественностью, будто эти слова должны меня утешить.

Сын.

У нас.

Но это ложь. Я не могу верить ему. Это не мой ребёнок. Этого просто не может быть.

Я вспоминаю слова врача. Они были прямыми, почти грубыми в своей окончательности: мои яйцеклетки не жизнеспособны. Все эти годы – борьба, надежды, боль – всё оказалось тщетным. А теперь, спустя годы, он говорит, что наш эмбрион внезапно "прижился"? Но не во мне, а в теле какой-то Яны?

– Это неправда, – говорю я тихо, смотря ему в глаза.

– Даша, я клянусь, – Пётр тянется к моей руке. Его пальцы касаются моей кожи, но его прикосновение холодное. Чужое. – Это наш ребёнок.

Я отдёргиваю руку, чувствуя, как внутри всё холодеет – от его взгляда, прикосновений, слов. Зябкость накатывает волной, и мне хочется обхватить себя руками, чтобы хоть немного согреться. Но я сдерживаюсь из последних сил, стараясь сохранить видимость контроля.

– Вы скоро станете родителями, – вдруг вмешивается Яна. Её голос звучит легко, почти весело, как будто она обсуждает погоду. – Я готова пожить с вами первое время, чтобы помочь с малышом.

Её слова обрушиваются на меня, как гром среди ясного неба. Она хочет жить с нами? В нашем доме?

Я смотрю на неё. И на её губах появляется едва заметная, самодовольная улыбка.

– Жить с нами? – мои слова выходят медленно, сквозь стиснутые зубы.

– Конечно, – её голос звучит уверенно, как будто это самое естественное в мире предложение. – Первые месяцы ребёнку будет лучше, если я буду рядом.

Так, с меня достаточно. Я больше не намерена слушать этот бред.

Её взгляд, тон, произносимые ею слова – всё происходящее выглядит настолько нелепо, что кажется абсурдом.

– Извините, – бросаю я, резко вставая из-за стола.

Пётр тут же пытается меня остановить:

– Даша, подожди! – его рука хватается меня за запястье. – Пожалуйста, не уходи так!

Я резко выдёргиваю руку, не давая ему договорить. Хватаю свою сумку и быстрым шагом направляюсь к выходу.

Гардеробщик работает быстро – как только я оказываюсь у стойки, он уже протягивает мне мою шубу.

Я выбегаю на улицу.

Холодный воздух бьёт в лицо, обжигая кожу. Снег падает мягкими хлопьями, но я больше не ощущаю его красоты. Он кажется ледяным, враждебным.

Я стою посреди тротуара, не в силах сдвинуться с места.

Что, чёрт возьми, только что произошло?

Это правда? Или чей-то плохо срежиссированный спек-

такль? Но что хуже: что Пётр действительно верит в то, что говорит, или что он просто пытается убедить меня в своей лжи?

Я оглядываю проспект. Моя машина стоит на том же месте, где меня высадил Слава.

Открываю дверь и сажусь на заднее сиденье.

– Всё в порядке, Дарья Константиновна? – спрашивает Вячеслав, бросая осторожный взгляд в зеркало.

– Поехали, – коротко отвечаю я.

Слава уточняет, не отводя взгляда:

– Домой?

Я встречаюсь с ним взглядом. Мой голос звучит устало, почти механически:

– Домой, – произношу устало.

Остаётся ли он теперь моим домом после всего, что я услышала? Кажется, что он навсегда утратил свой смысл. Теперь это просто стены, наполненные холодом, сквозняком и ложью.

Глава 3

Машина плавно трогается с места. Размытые отблески фонарей мелькают за окнами. Под ровный шум двигателя я откидываюсь на спинку сидения и прикрываю веки. Эмоциональная встряска высосала из меня все силы. Хочется расслабиться, выкинуть все мысли из головы, но они словно заперты в замкнутом круге, снова и снова возвращаясь к одному и тому же.

Слова Петра. Его взгляд.

Её лицо.

В груди всё сжимается. Тяжёлое чувство растекается внутри, превращаясь в плотный клубок из гнева, обиды и горечи. Развязать его кажется невозможным.

Я распахиваю глаза, словно пытаюсь избавиться от навязчивых воспоминаний, от этих образов, которые живут своей жизнью. Вглядываюсь в огни города за окном, будто надеюсь найти в них ответы. Но чем дольше смотрю, тем отчётливее понимаю: ответа там нет. Только пустота.

Телефон на коленях оживает, экран вспыхивает, высвечивая имя: *Пётр*. Я смотрю на него, как на тикающую бомбу. Ещё один звонок. Третий за последние пять минут. Он не унимается. Его голос уже звучит у меня в голове, даже если я не поднимаю трубку.

Сжав телефон чуть сильнее, чем нужно, я, выдохнув, на-

жимаю кнопку "отклонить" и поспешно убираю его в сумочку.

– Ответите? – осторожно спрашивает Вячеслав, его взгляд мелькает в зеркале заднего вида.

– Нет, – отрезаю я.

Телефон снова оживает. Вибрация раздражает до предела, словно кто-то стучит мне по нервам.

Почти машинально я достаю его из сумки, отключаю звук и засовываю обратно, будто хочу избавиться не только от звонка, но и от самого телефона.

– Петр Михайлович? – тихо уточняет Вячеслав, не отрывая взгляда от дороги.

Слава работает моим водителем уже больше десяти лет, и, кажется, за это время он научился считывать мои эмоции с одного лишь взгляда.

– Он самый, – отвечаю я ровно, хотя внутри всё пылает.

Машина снова погружается в тишину. Только шум мотора и шорох шин по мокрому асфальту нарушают её. Но тишина оказывается хуже. Она давит, заставляет слышать собственные мысли слишком отчётливо.

Я чувствую короткий взгляд Вячеслава в зеркале. Он сочувствующий, но ненавязчивый.

– Всё будет хорошо, – вдруг тихо произносит он, будто решаясь нарушить молчание.

Я молчу. Мне нечего сказать в ответ. Хорошо? Сейчас мне кажется, что "хорошо" для меня уже не существует.

Почему я не развелась раньше? Почему пыталась спасти то, чего давно не было? Боялась остаться одна? Теперь время упущено, а шрамы – новые. И зачем? Я и так изнутри вся исполосана.

Телефон снова вибрирует. Звук доносится откуда-то спереди, и я понимаю: это звонок Петра на телефон Вячеслава.

– Простите, Дарья Константиновна, – виновато произносит он, – но я не могу не ответить.

– Отвечай, – бросаю я устало, отводя взгляд к окну. – Скажи, что везёшь меня домой.

Он кивает и принимает вызов.

– Слушаю, Пётр Михайлович, – звучит его всегда спокойный голос.

Даже через громкую связь я чувствую раздражение Петра.

– Слава, где вы?

– Везу Дарью Константиновну домой, – отвечает Вячеслав с привычной уверенностью.

– Домой? Это хорошо, – голос Петра становится мягче, но напряжение всё ещё сквозит. – Как довезёшь, дай знать.

– Понял, Пётр Михайлович.

Гудки раздаются из динамиков, и Вячеслав быстро отключает громкую связь. Несколько минут мы едем в тишине.

– Домой? – наконец осторожно спрашивает он, бросая на меня короткий взгляд через зеркало.

Домой? Я снова смотрю на огни за окном, которые кажутся размытыми, бесконечными. Возвращение домой сейчас

кажется худшим из вариантов.

Там всё, от чего я пытаюсь убежать. Тем более туда за-
явится Пётр. А я не хочу его ни видеть, ни слышать.

– Нет, – мой голос звучит твёрже, чем я ожидала. – Не
домой.

– Тогда куда? – спокойно спрашивает Вячеслав, готовый
помочь.

Я встречаю его взгляд в зеркале.

– В гостиницу, – говорю я, стараясь не дать сомнениям
взять верх.

Он кивает и сворачивает в сторону центра города. Больше
он не задаёт вопросов. Мы снова едем молча. Я отворачива-
юсь к окну, но мысли не отпускают.

В отражении стекла я вижу своё лицо. И уже через мгно-
вение оно размывается. Яна.

Она – моя более юная версия. Не могу не признать: у Пет-
ра хороший вкус.

Яна. Молодая, красивая, уверенная в себе. Такую невоз-
можно не заметить.

А его слова звучат как насмешка: "Она вынашивает наше-
го ребёнка."

Нет, это не может быть правдой – я не верю и не хочу
верить.

Машина останавливается у небольшого отеля в центре го-
рода. Вячеслав выходит и открывает мне дверь. Я глубоко
вздыхаю перед тем, как выйти.

– Спасибо, Слава. Ты можешь ехать домой. И помни: никаких сообщений Петру о том, где я.

– Конечно, Дарья Константиновна, – отвечает он с лёгким поклоном.

Снег падает мягкими хлопьями, но теперь он кажется ледяным. До входа в отель метров двадцать по запорошенной снегом дорожке. Но даже за столь короткий путь холодный воздух успевает обжечь лицо.

Регистрация проходит быстро. Девушка на стойке улыбается, протягивая мне ключ-карту от номера, но я едва киваю в ответ.

Направляюсь к лифту, чувствуя усталость в каждом шаге. Холл почти пуст. Где-то вдали играет приглушённая музыка.

Я хочу скорее добраться до номера. Закрыться. Наконец остаться наедине с собой.

– Ковалевская?

Услышав свою фамилию, я вздрагиваю и оборачиваюсь.

В нескольких шагах от меня стоит мужчина. Высокий, с благородной сединой, пробивающейся через густые тёмные волосы. Его ярко-голубые глаза весело прищурены, а в уголках залегли морщинки, добавляющие ему обаяния. На нём тёплая косуха с мехом – словно он сошёл со старой фотографии пилота сороковых. Кажется, ему не хватает только очков-авиаторов, которые, возможно, лежат в его кармане.

– Демидов? – вырывается у меня прежде, чем я успеваю осознать, что это действительно он.

Его улыбка. На мгновение мне кажется, будто время вернуло меня на двадцать лет назад. В университетские коридоры.

Глава 4

Демидов.

Саша Демидов собственной персоной.

Он стоит в нескольких метрах от меня, с лёгкой, чуть озорной улыбкой, от которой почему-то становится теплее. И я ловлю себя на мысли, что невольно люблюсь им. Он всегда был харизматичным, но сейчас... Он как выдержанное вино – с годами только лучше.

– Сколько лет, сколько зим, Ковалевская, – говорит он, и в его голосе звучит не только искреннее удивление, но и та тёплая интонация, которую я всегда вспоминаю, когда в очередной раз натываюсь на новости о нём. – Это точно ты? Или я уже начинаю видеть призраков прошлого?

– Точно я, Демидов, – отвечаю, чувствуя, как на губах появляется ответная улыбка.

– Вот ведь совпадение! Или всё-таки судьба? – шутит он, чуть склоняя голову, и в этот момент я замечаю блеск в его глазах. Тот самый, который всегда подкупал всех вокруг.

Мы не виделись, наверное, целую вечность. Но я знаю, как сложилась его жизнь: женат, есть взрослый сын. Успешный бизнес – сеть авто- и мотосалонов. Он обожает путешествия и, кажется, всегда находит время для себя.

Демидов из тех людей, которые умеют жить, которые находят радость в каждой мелочи. Но сейчас, стоя перед ним, я

вдруг замечаю: несмотря на лёгкость его улыбки и привычную беззаботность в манере говорить, глаза его иногда выглядят грустными. Эта мимолётная тень почти сразу исчезает, но я успеваю её поймать. И это цепляет меня сильнее, чем его шутки или даже само наше неожиданное столкновение.

– Выглядишь супер, – говорит он в своей привычной прямойлинейной манере.

– Спасибо, Саш. Ты тоже хорошо сохранился, – усмехаюсь.

Он пропускает мой комментарий мимо ушей, будто вовсе его не заметив. Или, возможно, просто не считает нужным реагировать.

– А что ты здесь делаешь? – спрашивает он, слегка прищурившись. – Ты проездом? Или ремонт дома?

– Ремонт? – я невольно смеюсь, хотя внутри всё ещё тлеет остаток напряжения.

– Ну да, – он делает вид, будто это самый логичный вопрос. – Обычно в гостиницах останавливаются либо командировочные, либо те, кто сбежал из дома, пока мастера перекрашивают стены.

– А какая причина у тебя? – парирую я, стараясь не показать, как странно мне говорить с ним сейчас.

– Уходишь от ответа, как всегда, – смеётся он. – Теперь я буду думать, что ты спешишь к любовнику в номер.

– И будешь неправ, – отвечаю с улыбкой, хотя его шутка слегка задевает.

– Ладно, уговорила, – отмахивается он, шутя. – Я тут с друзьями встречался. Посидели в баре, немного поговорили о жизни. А ты? Что делаешь в этом уютном, но не самом роскошном отеле?

Я чувствую, как внутри поднимается лёгкое беспокойство. Объяснять ему, почему я здесь, нет никакого желания. Да и что я скажу? Что не ночую дома, потому что не хочу видеть мужа?

– Это длинная история, – уклончиво отвечаю я, переводя взгляд на ключ-карту в руке.

– Тогда её стоит обсудить за бокалом чего-нибудь крепкого, – легко предлагает он. В его голосе звучит всё то же спокойствие и лёгкость, которые я помню со студенческих лет. – Вспомним молодость, так сказать.

Я смотрю на него, ощущая, как внутри начинает таять то напряжение, которое весь вечер сжимало мою грудь. Его простота, это почти беззаботное отношение к жизни... я давно не чувствовала ничего подобного.

– Ладно, – говорю я, чуть улыбаясь. – Один бокал.

– Отлично, – говорит он, и в его голосе слышится радость. – Бар как раз здесь, за углом.

Мы идём рядом, и я ловлю себя на мысли, что давно не ощущала такого спокойствия. В компании Петра я всегда напряжена. Его слова, его взгляды – всё кажется слишком выверенным, слишком правильным, будто мы оба играем роли.

Но с Александром всё иначе.

Его естественность обезоруживает, с ним я чувствую себя интересной. Желанной, может быть? Эта мысль проскальзывает внезапно, и я тут же отмахиваюсь от неё. Потому что выдавать желаемое за действительное давно вошло у меня в привычку.

С Демидовым мы просто старые друзья. Он женат. Был, по крайней мере.

Мы садимся за столик в тихом углу бара. Александр заказывает себе виски, а мне – бокал белого сухого вина. Я рассматриваю его. Он всё такой же, но при этом в нём чувствуется зрелость, уверенность человека, который добился своего. С ним легко. Слишком легко.

– Так, рассказывай, – начинает он, склонившись чуть ближе. В его глазах появляется тот самый лукавый блеск, который я так хорошо помню. – Где ты пропадала все эти годы?

– Пропадала? – смеюсь я. – Если так можно назвать построение сети бутиков, то да, пропадала.

– Знал, что ты чего-нибудь добьёшься, – говорит он, делая глоток виски.

Его комплимент звучит просто, но почему-то задевает какие-то давно забытые струнки внутри.

Мы говорим о прошлом, вспоминаем преподавателей, университетские вечеринки, глупые споры. И я вдруг понимаю, что смеюсь. Искренне. Это пугает меня и одновременно возвращает какое-то чувство себя. Странно только одно – за весь наш разговор ни я, ни он не задали ни одного вопроса

о настоящем. Он не спросил про то, как я живу сейчас, есть ли у меня муж, дети или даже внуки. Я тоже молчала – будто мы оба решили, что настоящего не существует, что тех лет, которые прошли с нашей последней встречи, просто не было. Время словно остановилось, оставив нас в воспоминаниях, где было тепло и легко.

Но его глаза – они всё же выдают что-то другое. Возможно, он тоже бежит от настоящего. Может быть, этот бег – то, что нас объединяет.

Его взгляд, который задерживается на мне чуть дольше, чем должен. Его голос, который становится теплее. Кажется, он ловит каждое моё движение, слушает каждую интонацию.

Я ловлю себя на том, что отвечаю ему. Не словами, но внутренне.

Искра между нами почти осязаема, и это сбивает меня с толку.

Боже! Да мы флиртуем.

Я невольно сравниваю его с Петром. Пётр всегда был другим – сдержанным, расчётливым, прагматичным. Его идеальный внешний вид, его идеальные слова. Но вот уже несколько лет в его компании я чувствую себя не живой, а удобной. С Александром же всё иначе. С ним я ощущаю себя женщиной: интересной, нужной и даже сексуальной.

Эта мысль пугает и отрезвляет меня мгновенно. Я ставлю бокал на стол и резко отвожу взгляд.

– Саша, – говорю я, пытаюсь держать голос ровным. – Мне

завтра рано вставать.

– Вставать? – он чуть прищуривается, явно удивлённый. – Ты серьёзно?

– Серьёзно, – говорю я, хотя мне трудно заставить себя подняться из-за стола. – Спасибо за вечер, но мне пора.

Он улыбается, вставая вместе со мной.

– Ну что ж, – говорит он, протягивая руку, – было приятно тебя увидеть, Ковалевская.

– И мне, Демидов, – отвечаю я, пожимая его руку.

Его взгляд словно проникает сквозь меня. Он хочет что-то сказать, но останавливает себя.

Я ухожу, чувствуя его взгляд у себя на спине. Только когда я оказываюсь в номере и закрываю за собой дверь, до меня доходит, что моё сердце бьётся слишком быстро.

Что это, чёрт возьми, только что было?

Глава 5

Я проваливаюсь в тревожный сон только под утро. Веки тяжёлые, мысли путаются, но даже во сне мне не найти покоя. Снова и снова перед глазами всплывает его лицо. И её. Как он кладёт руку на её живот, как она смотрит на него. В этом взгляде столько притязания, что я чувствую, будто кто-то сжимает моё горло. Даже во сне я слышу её голос: "Вы скоро станете родителями." Тонкий, легкомысленный, почти издевающийся.

Когда меня вырывает из сна громкий, настойчивый стук в дверь, я едва не подпрыгиваю. Кажется, что ещё немного – и я взорвусь от раздражения. Кто, чёрт возьми, решил ломиться в мой номер так рано?

Я поднимаюсь с кровати, сердце бешено стучит от гнева. Если это уборка или доставка чего-то, что я не заказывала, мне придётся сделать над собой усилие, чтобы не сорваться.

Дверь стучит снова. Настойчивее.

"Боже, гостиничный персонал, я вас убью," – думаю я, натягивая халат на плечи. Подхожу к двери, машинально поправляя волосы, и, не раздумывая, резко открываю.

И, конечно же, это не персонал.

– Пётр?! – его имя срывается с моих губ быстрее, чем я успеваю осознать, что он стоит передо мной.

Я замираю. Лицо Петра серьёзное, но на губах пытается

пробиться та самая спокойная, убедительная улыбка, которой он всегда умел укротить любой конфликт.

– Нам нужно поговорить, – говорит он, его голос звучит ровно, но в глазах я вижу нечто большее – напряжение, даже отчаяние.

– Ты... Ты что здесь делаешь? – слова вырываются из меня с такой злостью, что я едва удерживаюсь от того, чтобы не захлопнуть дверь.

– Даша, – он делает шаг вперёд, но я тут же заслоняю ему путь своим телом. – Мы не можем оставить всё так, как есть.

– Не можем? – я едва не смеюсь. – Ты серьёзно? Ты посмел прийти сюда после всего, что было вчера?

– Я пришёл, потому что ты не отвечаешь на звонки, – в его голосе проскальзывает упрёк. – Я не могу так... Ты просто сбежала.

– Сбежала? – мои брови взлетают. – У меня был выбор, Пётр? Остаться там, с тобой и твоей... твоей Яной? Выслушивать, как она с улыбкой говорит, что "готова пожить с нами"? Ты хочешь сказать, что это нормально?

Он тяжело вздыхает, проводя рукой по волосам.

– Даша, пожалуйста, выслушай меня. Всё это не то, что ты думаешь.

Я уже собираюсь ответить, но он неожиданно тянется ко мне. Его руки ложатся на мои плечи, тепло проникает сквозь ткань халата, и я замираю на мгновение.

– Не смей меня трогать! – резко вырываюсь из его рук,

отступая назад. Его прикосновение обжигает меня, словно я только что дотронулась до огня.

Он выглядит удивлённым, почти обиженным, но не сдаётся.

– Даша, прошу тебя. Я... Я не спал с Яной.

– Не спал? – я закатываю глаза, чувствуя, как злость снова охватывает меня. – Ты и вправду думаешь, что я поверю?

– Потому что это правда! – в его голосе появляется настойчивость. – Я хотел сделать тебе подарок. Нам. Это было ради нас, Даша. Ради того, чтобы вернуть то, что мы потеряли.

Его слова звучат искренне. Слишком искренне. На какую-то долю секунды я ловлю себя на мысли: "А вдруг он говорит правду?" Что, если он действительно хотел восстановить наш брак? Что, если этот ребёнок – его попытка вернуть нас друг к другу?

Но перед глазами тут же всплывает лицо Яны. Её идеальная улыбка. Её холодный взгляд, полный скрытого торжества. То, как она сидела напротив нас, будто хозяйка положения.

– Нет, Пётр, – мой голос снова становится холодным. – Не трогал? Ты хочешь, чтобы я в это поверила? Тогда почему Яна вела себя так, будто уже завладела тобой? Почему она так смотрела на меня, как на никчёмное препятствие? Ты думаешь, я ничего не заметила?

– Она здесь ни при чём! – он почти кричит, его лицо баг-

ровеет. – Это всё ради нас. Даша, ты должна мне поверить.

– Я должна? – повторяю я, глядя прямо в его глаза. – Знаешь, что я тебе должна? Ничего.

Он снова тянется ко мне, но я отступаю ещё на шаг.

– Даша, давай поедem в клинику, – его голос дрожит, но он пытается сохранить контроль. – Ты всё увидишь сама. Все документы, все записи. Если ты мне не веришь, я докажу.

Я вижу, как он борется с собой. В его глазах горит искра, будто он действительно хочет, чтобы я пошла с ним. И на мгновение, всего на одно, я снова сомневаюсь.

Но потом вспоминаю, как чувствовала себя вчера. Как Яна практически потирала руки от того, что поставила меня на место. Как мой муж сидел рядом с ней, молча соглашаясь с её каждым словом.

– Нет, Пётр, – говорю я, глядя ему прямо в глаза. – Следующий наш разговор будет через юриста.

– Юриста? – его лицо меняется, он выглядит так, будто я только что ударила его в грудь. – Ты действительно этого хочешь?

Мысли вихрем проносятся в моей голове.

Слова про юриста слетают с моих губ автоматически, но правда ли я готова к этому? К тому, чтобы поставить точку в нашем браке? Разорвать всё, что держало нас столько лет вместе?

Развод – это всегда грязь. Долгий, изматывающий процесс. Раздел имущества, бизнеса. Бесконечные обсуждения,

где ты снова и снова возвращаешься к тем местам, где уже разорвалось и болит. Это как ковырять старую рану, которая никогда не успевала зажить.

Я смотрю на него. Передо мной мужчина, с которым я прожила двадцать пять лет. Мужчина, которого когда-то любила до дрожи, до невозможности. Мужчина, ради которого я жила и ради которого ломала себя, отказываясь от своих желаний, пытаюсь быть той, кем он хотел меня видеть.

Но сейчас, глядя в его глаза, я вижу не того Петра, которого знала когда-то. Передо мной совсем другой человек. Лживый, холодный, уверенный в том, что он всегда прав. Уверенный, что может решать за нас обоих. И, наверное, я бы снова проглотила это – как делала так много раз раньше, – если бы вчера он не позволил ей прийти. Не позволил ей говорить со мной так, будто это я лишняя.

И вот он здесь. Стоит передо мной, в моём номере, а я внезапно понимаю: я больше не хочу бороться за этот брак. Всё, что у нас было, давно умерло. Остались только руины – холодные, серые, мёртвые.

"Ты правда этого хочешь, Даша? Развода? – звучит в голове тихий голос.

Глава 6

Да, чёрт возьми! Я хочу этого!

Я устала.

Не просто устала от него, от этого вечного "я знаю, как лучше". Я устала быть в браке, который давным-давно превратился в пустую формальность. В попытку сохранить то, чего больше нет.

Я устала от одиночества. Того самого одиночества, которое ощущаешь особенно остро, когда живёшь под одной крышей с человеком, который давно стал чужим. Когда слова больше ничего не значат, а взгляды стали пустыми.

Я хочу чего-то другого. Я хочу быть счастливой. Я хочу быть любимой. Не просто удобной. Не фасадом для статей в журналах или парадной картинкой для зависти окружающих. Настоящей.

И да, глава с материнством для меня давно закрыта. Я прошла через это. Пережила всё – боль, разочарование, надежды, которые ломались, как тонкий лёд. Я больше не хочу возвращаться к этому. Я приняла, что моя жизнь будет другой. Без детей. Без вечного ожидания, которое сжигает душу.

Но теперь Пётр снова открыл эту рану. Он сделал это за моей спиной, не спросив, не подумав. И ради чего? Ради собственного эго? Ради того, чтобы снова почувствовать себя важным, чтобы играть роль спасителя нашей "семьи"?

Нет. Хватит.

Если он рассчитывал, что я приму его "подарок" с распространёнными объятиями, он чертовски ошибается.

Я делаю глубокий вдох. Слова рвутся наружу, обжигая горло, как раскалённый воздух:

– Ты меня не расслышал? Больше никаких разговоров без юриста.

Моё лицо остаётся бесстрастным, но внутри я чувствую, как что-то освобождается. Словно огромный груз наконец падает с моих плеч.

А вот его лицо меняется. Он замирает, будто мои слова ударили его ножом. Взгляд, который ещё минуту назад был уверенным, становится растерянным, почти уязвимым.

– Даш, ты же это не серьёзно? – переспрашивает он, будто не может поверить. – Ты правда этого хочешь?

– Да, – говорю я, твёрдо, отчётливо, словно ставлю последнюю точку в этом разговоре. – Ты перешёл черту. И теперь назад дороги нет.

Его глаза мечутся по моему лицу. Он отчаянно ищет хоть каплю сомнения, хоть малейший шанс, что я передумаю.

– Даша... – он делает ещё один шаг ко мне. Его руки поднимаются, чтобы прикоснуться к моим плечам, как он делал это раньше, чтобы успокоить.

Но я отступаю назад. Резко.

– Не смей меня трогать, – мой голос звучит холодно, как ледяной приговор. – После того, как ты трогал её, ты больше

не имеешь права.

Он сжимает губы. Его лицо застывает, но я вижу, как в глубине его глаз всё ещё тлеет надежда.

– Даша, я не спал с Яной! – говорит он, почти выкрикивая. В его голосе дрожь – смесь гнева и отчаяния. – Это всё ради нас. Ради тебя! Ты же так хотела ребёнка!

Он говорит так искренне, что на мгновение я сомневаюсь. Может быть, он действительно верит в то, что говорит? Может быть, всё это было его попыткой исправить то, что между нами давно сломалось?

Но это сомнение длится всего миг.

Стоит мне вспомнить вчерашний вечер, как всё возвращается на круги своя.

Яна. Её наглая, самодовольная улыбка. Её уверенный взгляд. Её слова, которые звучали так, будто она уже победила.

И Пётр. Он сидел рядом с ней. Он молчал. Он позволил ей говорить со мной так, будто я здесь лишняя.

– Уходи, – говорю я, чувствуя, как голос становится стальным. – Просто уходи.

Он стоит на месте, словно парализованный. Его взгляд отчаянный, но твёрдый.

– Это не конец, – бросает он, его голос хриплый, почти надломленный. – Мы ещё поговорим, Даша.

– Мой адвокат свяжется с тобой, – ставлю финальную точку.

Его лицо становится каменным. Он смотрит на меня ещё несколько секунд, будто надеется, что я передумаю. Но я больше не передумаю.

Наконец он разворачивается и уходит.

Я закрываю дверь. Прислоняюсь к ней спиной и делаю глубокий вдох. Пустота внутри всё ещё никуда не исчезла, но в этот момент задаюсь в который раз вопросом: почему я выбрала его? Почему?

В минуту пустоты и одиночества человеку свойственно терзаться сомнениями: "А если бы?..".

А если бы я выбрала другого?..

Того, кто с тёплой улыбкой вчера смотрел на меня. Чьи глаза – слегка грустные, но всё ещё с тем самым блеском, что заставили меня на мгновение потерять почву под ногами.

Он ведь всегда был таким. И вчера. И тогда.

Мы стояли под клёном, листья кружились под ногами. Осень уже полностью завладела городом.

– Дашка, ты же знаешь, что я люблю тебя, – его голос звучит из прошлого. Тогда он был растерянным, почти уязвимым. – Я уезжаю, но если ты дождёшься меня... если дождёшься, я ведь вернусь. И мы попробуем. Обещай, Дашка! Обещай!

– Хорошо, – шепнула я тогда, едва удерживая слёзы. – Я подожду.

Но я не дождалась.

Через полгода появился Пётр, и я влюбилась, как кошка.

Его уверенность, сила, целеустремлённость затаили меня, как водоворот. Мне казалось, что это и есть настоящая любовь.

Но с высоты прожитых вместе лет я понимаю: это была не любовь.

Любовь – это не подчинение. Это равенство. Любовь – это не комфорт и не привычка. Это выбор. Каждый день.

И я выбираю перестать бороться за брак, который давно уже существовал только на бумаге. Я больше не надеюсь, что однажды всё изменится само собой. Больше не закрываю глаза на ложь, обиды и равнодушие.

Любовь не должна быть цепью, которую мы тащим из последних сил. Любовь должна быть свободой. Свободой быть собой рядом с тем, кто принимает тебя, кто видит тебя настоящей.

И теперь я знаю одно: я хочу быть счастливой. Даже если для этого мне придётся разрушить всё, что я строила последние двадцать пять лет.

Глава 7

Мне нужен новый план на мою жизнь.

Что-что, а планы составлять у меня в крови.

Начну с тела, затем перейду к правильным установкам, а потом закреплю всё действиями.

Решительно захожу в ванную и включаю горячую воду. Струи душа мягко касаются кожи, смывая тяжесть недавнего разговора. Пар заполняет пространство, а с каждой новой каплей воды я чувствую, как напряжение постепенно покидает моё тело. Хотелось бы, чтобы вода могла смыть и мысли, но этого не происходит.

Я выключаю душ и оборачиваюсь в мягкое полотенце. Подхожу к зеркалу, проведя рукой по запотевшему стеклу. Оттуда на меня смотрит женщина с усталым, потерянным взглядом.

"Нет, так дело не пойдёт," – решительно говорю себе.

Нахожу в сумочке тушь, пудру и блеск для губ. Пара минут трачу на макияж, затем сушу волосы феном, пытаюсь придать им аккуратную укладку. Из одежды у меня всё ещё только вчерашнее платье и туфли, но это ненадолго.

Я беру телефон и звоню Славе.

– Дарья Константиновна, доброе утро, – его голос звучит спокойно, с лёгкой теплотой.

– Доброе, Слава. Через сколько сможешь подъехать к го-

ститнице?

– Через пяндадцать минут буду у главного входа, – коротко отвечает он, завершая звонок.

Я собираюсь, быстро кидаю взгляд на комнату, проверяя, не оставила ли чего, и закрываю за собой дверь.

Когда я спускаюсь в холл, воспоминания всплывают так внезапно, что я почти физически чувствую, как время на мгновение останавливается.

Мои мысли зачем-то возвращаются к вчерашнему вечеру.

Я думаю о Демидове, пока возвращаю на ресепшн ключ-карту от номера. Почему-то я ловлю себя на том, что невольно смотрю в сторону бара. Того самого бара, где мы говорили, смеялись, флиртовали... Всё это теперь кажется каким-то сном. Нереальным. Мы не виделись вечно, а когда встретились – даже не обменялись контактами. Значит, у нас действительно разные жизненные дороги.

Выходя из гостиницы, я сразу замечаю напротив входа свой личный автомобиль – он на том же месте, где водитель высадил меня вчера, словно никуда и не уезжал.

Вячеслав, как всегда пунктуальный и собранный, выходит из машины, кивает мне и открывает заднюю дверь.

– Слава, – говорю я, устроившись на сиденье, – у тебя Пётр выяснял, где я провела ночь?

Он смотрит на меня через зеркало заднего вида, на его лице мелькает лёгкая, чуть лукавая улыбка.

– Да, но вы не переживайте. Я никому не говорил, где вы

ночевали. Сказал всё так, как мы с вами договаривались.

– Странно, – тяну я, чуть прищурившись.

– Он приезжал сюда?

– Да, приезжал, – вздыхаю я, переводя взгляд на окно. –

Видимо, у него свои источники.

Слава поджимает губы, но ничего не говорит. Его руки уверенно ложатся на руль, он поворачивает ключ зажигания.

– Куда поедем?

– Сначала в "Гармонию", – отвечаю я, машинально приглаживая складки на платье.

"Гармония" – это мой самый первый бутик. Моя гордость, моё детище. Этот проект был чем-то личным, воплощением моей идеи создать пространство, где люди могли бы найти не только одежду, но и частичку себя. В этом месте я всегда чувствую себя увереннее.

В этом году у "Гармонии" юбилей. Я уже забронировала ресторан, заказала ведущего и пригласила постоянных клиентов, селебрити и репортёров. Но всё это будет только через месяц. У меня есть время привести себя в порядок и прийти на праздник с искренней улыбкой, а не с налётом тоски на лице.

Бутик встречает меня привычной атмосферой: запах свежего кофе, приглушённый свет, витрины, аккуратно заполненные новой коллекцией. Всё здесь выглядит так, словно ничего не может пошатнуть его идеального порядка.

– Доброе утро, Дарья Константиновна, – администратор

Светлана приветствует меня с улыбкой.

– Доброе утро, Света. Всё в порядке? – спрашиваю я, проходя мимо стойки.

– Да, всё отлично. Если что-то понадобится, я на месте.

– Спасибо, – киваю ей и направляюсь в примерочную.

Ощущение платья и туфель на высоких каблуках уже раздражает. Спустя несколько минут я надеваю удобные чёрные брюки, белую блузку и мягкие лоферы. Теперь я выгляжу так, как и чувствую: аккуратно, строго, но комфортно.

Пройдя в кабинет, который я редко использую, включаю ноутбук. Несколько рабочих писем требуют моего внимания. Поставщики, пара вопросов от дизайнеров, изменения в логистике. Работа всегда успокаивает меня. Ответы пишутся быстро, без лишних раздумий.

Выключаю ноутбук и задерживаю взгляд на темном экране. Теперь нужно решить, что делать дальше.

Мысль о возвращении в дом, который я делю с Петром, вызывает внутренний протест. Жить под одной крышей с ним – нет, это невозможно.

Я вспоминаю о нашей городской квартире. Я не была там уже несколько месяцев. Возможно, это место станет моим убежищем на время. Нужно проверить её состояние, сделать список вещей, которые нужно перевезти, и вызвать клининг, если потребуется.

– Слава, в ЖК, – говорю я, садясь на заднее сиденье машины.

– Хорошо, – кивает он, и машина плавно трогается с места.

Пока мы едем, я достаю телефон и начинаю листать контакты. Я не знаю, кого именно ищу, взгляд бежит по именам, пока не останавливается на одном: *Кира*.

Мы знакомы примерно год. Она была клиенткой "Гармонии", но постепенно наше общение стало теплее. Мы стали приятельницами: встречи за бранчем, бокал вина после работы, премьеры в театре. Но всё это не так важно. Главное то, что Кира – адвокат, а мне сейчас нужен кто-то, кто сможет дать мне чёткий план действий.

Я нажимаю "Позвонить".

– Алло? – её голос звучит тепло, но с ноткой удивления.

– Привет, Кира, это Дарья. Надеюсь, не отвлекаю.

– Дарья, привет! Конечно, нет. Как ты?

– Если честно, не очень, – выдыхаю я. – Мне нужна твоя помощь.

– Чем я могу помочь? – её голос становится серьёзным, но всё равно остаётся мягким.

– Ты можешь помочь мне профессионально.

– А конкретнее, Даш?

– Я развожусь, – говорю я, и в этот момент впервые осознаю всю тяжесть этих слов.

На другом конце повисает короткая пауза.

– Поняла, – говорит Кира. – Хочешь обсудить это лично?

– Думаю, так будет лучше. Когда тебе удобно?

– У меня окно через три часа. Приезжай в офис, поговорим.

– Спасибо, Кира.

– Не за что. Увидимся, – её голос звучит ободряюще, и она завершает звонок.

Слава профессионально делает вид, что не слышал моего телефонного разговора, а в свою очередь делаю вид, что верю ему.

Я перевожу взгляд на окно. За стеклом мелькают витрины, люди, машины. Всё кажется таким обычным, но моя жизнь в этот момент совсем не такая.

Три часа. Думаю, этого времени хватит, чтобы осмотреть квартиру, составить список вещей и немного прийти в себя.

Глава 8

Когда машина плавно подъезжает к подъезду, я чуть при-
встаю с места.

– Слава, я не задержусь надолго, – говорю ему, открывая
дверь.

– Хорошо, Дарья Константиновна, я подожду здесь, – от-
вечает он спокойно, оставляя двигатель включённым.

Я уверенно направляюсь к входу. Поднимаюсь на лифте
на восемнадцатый этаж. Всё выглядит так же, как и раньше:
мягкий свет коридора, приглушённая тишина. Та же спокой-
ная роскошь, которую я привыкла считать своей.

Ключ привычно скользит в замочную скважину, щелчок
замка раздаётся гулко в тишине. Я толкаю дверь.

И сразу чувствую: что-то не так.

В квартире витает чужой аромат. Тонкий, сладковатый,
слишком навязчивый. В гостиной на идеально белом диване
валяются чужие вещи: шёлковые платки, яркие аксессуары,
которые не имеют никакого отношения ко мне.

Из кухни доносится голос.

– Мама, ну хватит причитать. Всё нормально у меня. Всё
по графику, – женский голос звучит небрежно, почти раз-
дражённо.

Этот голос. Я не могу ошибиться.

Я медленно закрываю дверь за собой и делаю шаг вглубь

квартиры.

– Петруня душка, – слышу бряканье посуды. – Да, он с меня пылинки сдувает. Представил своей.

Я замираю, прислушиваясь. Очень интересно услышать вторую сторону событий.

– Не оценила, угу, – продолжает она с лёгкой насмешкой в голосе, что-то жуя. – Да и пофиг.

Её голос звучит небрежно, словно разговор идёт о каком-то постороннем человеке. Ни следа стеснения, ни намёка на смущение.

Шаги приближаются. Я вижу её раньше, чем она замечает меня. Она появляется из кухни с чашкой в руках, с лёгкой улыбкой на губах, будто хозяйка положения. Её волосы слегка растрёпаны, но это не делает её менее уверенной. Она выглядит расслабленной, самодовольной, а на ней...

На ней МОЙ халат.

На мгновение я теряю дар речи.

Она замечает меня и замирает на секунду. Затем её лицо озаряет лёгкая усмешка, и она говорит в трубку:

– Мама, мне пора. Потом перезвоню. – Она сбрасывает вызов, совершенно не смущённая.

– О, Дарья, – её голос звучит удивлённо, но без намёка на смущение. Напротив, в нём читается вызов. – Не ожидала вас здесь увидеть.

Я сжимаю ключи так крепко, что они впиваются в ладонь.

– Я, знаешь ли, тоже, – произношу я, стараясь сохранить

голос ровным, хотя внутри всё кипит.

– А я всё думала, когда же вы появитесь здесь, Дарья, – говорит она с лёгкой насмешкой, облакачиваясь о дверной проём. Её взгляд скользит по мне, как по пустому месту.

– Судя по твоей наглости, я задержалась слишком долго, – отвечаю я, сжимая ключи в руке.

– Ну, не буду лукавить, я ожидала большего шоу. – Она делает глоток из своей чашки, оценивающе скользя взглядом по мне. – Надеюсь, ты здесь не для того, чтобы выгнать меня?

Наглая пигалица легко переходит на “ты”.

– Ну что ты, дорогая, – произношу приторно сладко. – Ты же суррогатная мать, говоришь?

Её улыбка становится шире, а глаза искрятся наглой уверенностью.

– Ну, знаешь, Дарья, иногда границы... размываются, – отвечает она с лёгким смешком.

На мгновение я теряю самообладание, но быстро возвращаю контроль. Я не дам ей увидеть, что она задела меня.

– Надеюсь, ты понимаешь, что границы – это не единственное, что можно размыть, – произношу я с едва заметной улыбкой.

На этот раз в её глазах мелькает тень сомнения.

– Похоже, у нас с тобой разный взгляд на это, – бросает она, отворачиваясь.

– У нас с тобой разные взгляды на многое, – резко отвечаю я.

Я перевожу взгляд на дверь, чувствуя, как внутри нарастает буря.

– Уже уходишь? Может, ещё поболтаем? – говорит она, как будто действительно имеет право вести себя так, будто эта квартира принадлежит ей. – Присаживайся, выпей чаю. Мы же теперь почти... семья.

От последних слов меня передёргивает.

– Твоя наглость впечатляет.

Она тихо смеётся и ставит чашку на ближайший столик.

– Знаешь, Дарья, а меня даже восхищает твоя способность сохранять спокойствие. Но ты ведь не думаешь, что я здесь случайно? – её тон становится вызывающим.

– Случайно? – я делаю шаг ближе, внимательно смотря ей в глаза. – Не думаю. Как и не думаю, что ты понимаешь, что делаешь.

– О, я прекрасно понимаю, – она демонстративно кладет руки на живот и начинает его поглаживать – У Петра и меня теперь... как бы это сказать... взаимное уважение.

– Взаимное уважение? – я усмехаюсь, и мой голос становится твёрже. – Ты так называешь свою роль? Очень интересно.

Яна делает вид, что не замечает моих слов, и продолжает:

– Теперь нас всех связывает Коленька

Чего?

Я больше не могу слушать этот бред. Достāju телефон из сумки и нахожу номер Петра. Она напрягается, но не двига-

ется с места. Включаю громкую связь, чтобы всё слышалось отчётливо.

Пётр отвечает почти сразу.

– Любимая, – говорит он, его голос звучит так радостно, что я вижу, как Яна мгновенно морщится. Что ж, здесь мы с ней солидарны.

– Пётр, – произношу я, прерывая его поток слов. – У меня для тебя важная новость.

– Конечно, конечно, – торопливо отвечает он. – Говори, любимая.

– Яночка очень скучает по тебе, Петруша, – говорю я с наигранной мягкостью, не сводя взгляда с Яны. – И, как оказалось, она просто не может жить без тебя. Поэтому с сегодняшнего дня ты с чистой совестью можешь переезжать к ней.

На другом конце трубки воцаряется тишина.

– Что?.. – Пётр звучит растерянно. – Дарья, ты ведь не серьёзно?

– Серьёзно, – отвечаю я с ледяным спокойствием. – У тебя есть время до вечера, чтобы освободить дом.

Я отключаю звонок, не дожидаясь ответа.

Яна смотрит на меня явно обескураженная. Думала, придётся бороться за мужика?

Не сегодня.

– Ну, поздравляю, Яна. Теперь он полностью твой, – говорю я с лёгкой усмешкой. Я разворачиваюсь, направляясь к

двери. – До скорого, – бросаю напоследок, даже не оглядываясь.

Глава 9

Оказавшись в машине, я замечаю, как во мне с новой силой начинает закручиваться вихрь негодования. Внешне я спокойна, но внутри всё кипит. Кажется, моя размеренная жизнь пришла к окончательному концу.

После встречи с Яной в голове кружится слишком много мыслей.

Уверенная, самодовольная нахалка. Она ведёт себя вызывающе, будто ей принадлежит не только наша квартира, но и весь мир. Этот её тон, эта наглая уверенность в том, что она хозяйка положения.

И Пётр... Его растерянный голос на том конце телефона всё ещё эхом звучит в моей голове. Столько лет вместе, а в его "любимая" не было даже тени того тепла, которого я заслуживаю.

Мне нужно убрать их обоих из своей жизни. Полностью. Без остатка.

Резать без анестезии.

Я вынимаю телефон и набираю номер домоуправительницы.

– Марина Васильевна, здравствуйте, – произношу я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Добрый день, Дарья Константиновна, – её голос, как всегда, спокоен и уважителен. – Чем могу помочь?

– Мне нужно, чтобы вы собрали личные вещи Петра Михайловича. Всё, что принадлежит только ему: одежду, обувь, документы. Упакуйте всё аккуратно.

– Конечно, а куда их отправить? – её голос звучит так буднично, будто для неё это не более чем ещё одно задание.

Я замолкаю на секунду, чтобы собраться, а затем отвечаю:

– Пусть он сам заедет за ними.

– Поняла, – отвечает она чётко. – Что-то ещё?

– Нет, на этом всё.

– Ожидать ли вас дома? – спрашивает она, слегка смягчив голос.

– Да, но я приеду поздно. Ужинать буду в городе, – говорю я, и уголки губ чуть поднимаются в лёгкой усмешке. Представляю реакцию Петра, когда он увидит собранные вещи.

– Хорошо, всё будет готово, – заверяет она.

– Благодарю, Марина Васильевна.

Я отключаю вызов и выдыхаю. Ещё один шаг сделан. Всё идёт по плану.

В животе урчит, напоминая о том, что я совсем забыла поесть. После всех сегодняшних событий это неудивительно.

– Слава, заедем в "Сахалин". Хочу пообедать, – говорю, откидываясь на спинку сиденья. До встречи с Кирой у меня ещё есть два часа.

– Конечно, Дарья Константиновна, – отвечает он, плавно меняя направление.

"Сахалин" – одно из лучших мест с морепродуктами в го-

роде. Я люблю его за сдержанную элегантность: большие окна, наполняющие пространство мягким дневным светом, лаконичный интерьер и ненавязчивую музыку на фоне. Здесь всегда пахнет свежестью: океанским бризом, травами и чем-то, что мгновенно расслабляет.

Администратор провожает меня к моему любимому столику у окна. Я сажусь, снимаю жакет и аккуратно кладу его на спинку стула.

– Как всегда? – спрашивает официантка с лёгкой улыбкой.

– Да, бокал белого сухого и салат с лососем, пожалуйста, – отвечаю, возвращая ей меню.

Через несколько минут передо мной стоит бокал вина и тарелка с салатом, украшенным свежей зеленью. Я делаю первый глоток, чувствуя, как прохладная жидкость мягко согревает меня изнутри.

Но мысли снова возвращаются к Яне. Её голос звучит в моей голове, как заезженная пластинка:

"Границы размываются... У нас взаимное уважение."

ТЬфу.

"Постель у вас общая, а не уважение," – думаю я с горькой усмешкой.

Какие же у неё иллюзии. Она действительно думает, что может управлять ситуацией? В её словах больше пустоты, чем смысла.

Я перевожу взгляд на бокал. А Пётр? Как долго он пытался убедить и себя, и меня, что между нами всё ещё есть лю-

бовь? Сколько лет он цеплялся за эту иллюзию?

Отодвигаю тарелку с недоеденным салатом. Аппетит пропал.

И тут меня прерывает знакомый голос.

– Дашка, неужели это ты?

Я поднимаю глаза и вижу Александра Демидова. Он стоит напротив, слегка наклонив голову, с лёгкой, почти мальчишеской улыбкой. Его тёмный пиджак сидит идеально, а растёгнутый воротничок придаёт образу нотку непринуждённости.

Он выглядит всё так же: уверенный, спокойный, и в то же время такой настоящий.

И, если честно, полная противоположность вчерашнему вечеру.

– Александр? – говорю я, всё ещё удивлённая.

– Можно к тебе? – спрашивает он, указывая на свободный стул напротив.

– Конечно, присаживайся, – отвечаю я, чуть выпрямившись и жестом пригласив его за столик.

Он садится, легко и непринуждённо откидываясь на спинку стула. Его улыбка кажется одновременно знакомой и новой.

Я копирую его движение и чуть расслабляюсь, затем спрашиваю прямо, без предисловий:

– Ты за мной следишь?

Его брови приподнимаются, и в глазах появляется озор-

ной блеск.

– Дарья, – произносит он с лёгким смешком, – неужели я похож на того, кто будет следить за женщиной?

– Случайности не бывают такими частыми, – парирую я, чуть прищурившись.

– Поверь, – теперь он чуть подаётся вперёд, положив локти на стол, – я последний, кто станет вторгаться в твою жизнь. Но если это тебя утешит, я действительно случайно оказался здесь. Обедал с партнёрами, а потом вижу тебя. Разве мог пройти мимо?

– Убедительно, – говорю я, делая глоток вина. – Но я пока не уверена.

Он тихо смеётся, его смех лёгкий, искренний.

– Тогда придётся убедить, – отвечает он, беря в руки меню. – Но сначала скажи, как ты?

Я встречаю его взгляд и на мгновение задумываюсь, стоит ли отвечать честно.

– Сейчас лучше, чем час назад, – говорю я, чуть приподнимая бокал.

– Тогда я точно вовремя, – произносит он, и его улыбка становится шире. В этой улыбке я вновь вижу того Александра, которого когда-то знала.

Глава 10

Александр поднимает бокал с водой, слегка приподнимая бровь, и произносит:

– За то, чтобы всё происходило в своё время.

Я не могу не согласиться. Медленно поднимаю свой бокал и слегка касаюсь им его бокала в ответном жесте. Лёгкий звон стекла вызывает неожиданный трепет, который я никак не могу объяснить.

А возможно, всё дело в том, как Демидов смотрит на меня.

– Даш, признайся, ты хоть раз задумывалась о том, что упустила меня? – спрашивает он с лёгкой, почти невесомой усмешкой.

Я замираю на мгновение. Его тон звучит легко, почти шуточно, но в глазах я вижу нечто большее: искру искреннего интереса.

– Упустила тебя? – переспрашиваю я, моргнув, чувствуя, как лёгкий румянец касается щёк.

Он кивает, его улыбка становится чуть шире, а сам он подаётся вперёд, будто сократив между нами расстояние.

– Ну, мало ли. Вдруг я был "тем самым"? – произносит он, подмигнув.

Я мгновенно понимаю: шутит. Конечно же, шутит.

Наклонив голову, я прищуриваюсь и, наконец, улыбаюсь

В ответ.

– Ты, как всегда, мастер провокаций, Александр, – говорю я с лёгкой усмешкой. – Но знаешь, в одном ты прав.

– О? – он поднимает брови, будто заранее радуясь ответу.

– Иногда я натыкалась на твои соцсети, интервью... и знаешь, сейчас задалась вопросом: как же мы за столько лет ни разу не пересеклись? Не считая вчерашнего вечера в отеле, конечно, – признаюсь я, чуть понизив голос.

Александр усмехается, его глаза начинают сиять каким-то тёплым весельем.

– Это не значит, что мы не пересекались, – отвечает он, чуть откинувшись на спинку стула.

Я поражена. Мои брови резко взлетают вверх.

– Что? Когда? – я почти наклоняюсь вперёд, ожидая объяснений.

Но он лишь улыбается, спокойный, будто наслаждается моим замешательством.

– Я умею быть ненавязчивым, – произносит он с таким непоколебимым спокойствием, что я начинаю сомневаться: это снова шутка или он говорит серьёзно?

– Ненавязчивым? – переспрашиваю я, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку в его словах. – А вчера? А сегодня? Разве это не ты дважды привлёк моё внимание?

Он пожимает плечами, словно в этом нет ничего удивительного.

– Мне показалось, что сейчас можно, – отвечает он, на-

клоняясь чуть ближе. Его взгляд становится чуть мягче. – Что-то изменилось в тебе, Даша.

– Неужели? – произношу я с лёгкой иронией, но внутри меня что-то сжимается.

– Именно так, Даш, – его голос звучит мягко, но в нём всё ещё чувствуется уверенность. – Возможно, ты наконец-то стала свободной.

Я отвожу взгляд, перевожу его в сторону окна. Свет мягко заливает столик, а в отражении стекла мелькают мои собственные глаза, чуть затуманенные мыслями.

Я не хочу говорить о своём решении развестись. Пока ещё нет.

– Даш? – мягко окликает меня Саша, наклоня голову в сторону. – Я тебя обидел? Если да, извини меня.

Его голос звучит так искренне, что я невольно встречаюсь с его взглядом.

– Всё нормально, – отвечаю я, покачав головой. – Просто... не хочу говорить о личном.

Александр внимательно изучает меня, чуть прищурившись, словно хочет что-то сказать, но вместо этого делает глоток воды.

– Хорошо, – говорит он, наконец улыбнувшись. – Тогда расскажи, как работает твой женский бизнес в нынешних условиях.

– Женский бизнес? – мгновенно цепляюсь за его слова, чуть приподнимая бровь.

– Ну, не начинай, Дашка, – он поднимает ладони вверх, словно сдаётся, и откидывается на спинку стула. – Я не сексист. А ты, похоже, феминистка до кончиков ногтей.

– И что из этого? – парирую я, едва сдерживая усмешку.

– Абсолютно ничего, – говорит он, широко улыбаясь. – Просто констатация факта.

– Тогда зачем было уточнение про женский бизнес? Чем он отличается от другого? Бизнес он и есть бизнес. Или ты считаешь иначе?

Александр хмыкает, проводя рукой по подбородку.

– Ладно, сдаюсь. Больше никакой дискриминации по половому признаку. – Он слегка откидывается назад. – Но в свою защиту скажу, что мой "мужской бизнес" – на этом слове он делает кавычки пальцами – немного пострадал. С Европой стало туго. Зато открыл новые каналы в Азии.

– Всегда можно найти выгоду, – говорю я, смягчившись.

Наш разговор становится легче, плавнее. Александр рассказывает нелепые случаи из своей работы, шутит, заставляя меня искренне смеяться. Но даже в этот момент часть меня всё ещё обдумывает его слова.

"Возможно, ты стала свободной."

Неужели это как-то заметно? Или у мужчин есть какой-то внутренний датчик, который считывает семейный статус? Может, я изменилась? Или это просто его домыслы?

А затем я смотрю на часы и понимаю, что мне пора идти.

– Александр, спасибо за компанию, но мне пора, – говорю

я, и нажимаю кнопку вызова официанта.

Когда к нам подходит официант с терминалом, Демидов первым протягивает свой телефон для оплаты счёта. Я не спорю – в моём мире это нормально.

Как только официант оставляет нас вдвоём, мы примерно минуту смотрим друг на друга. Но я всё-таки первой прерываю этот момент, поднимаясь со стула и аккуратно перекидывая сумку через плечо.

Он смотрит на меня с лёгкой улыбкой, но в его взгляде я улавливаю едва заметное сожаление.

– Неужели ты спешишь к мужчине? – спрашивает он с лёгкой насмешкой, но в голосе чувствуется искренний интерес.

Я встречаю его взгляд, чуть приподнимая подбородок.

– Я не буду отвечать на этот вопрос, – отвечаю я с лёгкой улыбкой.

Его взгляд чуть напрягается, но он тут же скрывает это за привычным спокойствием.

– Значит, у тебя есть тайны, – говорит он с лёгкой усмешкой.

– Тайны делают нас интереснее, не находишь? – парирую я, делая шаг от стола.

– Может, подвезти? – спрашивает он участливо, тоже поднимаясь из-за стола.

– У меня есть личный водитель. До встречи, Александр.

Саша лишь кивает, его глаза следят за мной, пока я не выхожу из ресторана.

И что-то мне подсказывает, что это действительно не последняя наша встреча, даже несмотря на то, что мы вновь не обменялись контактами.

Какая ирония.

Глава 11

Офис Киры располагается в одном из современных деловых центров города. Открыв массивную стеклянную дверь, я сразу попадаю в зону ресепшн. Высокие стеклянные стены пропускают мягкий дневной свет, создавая ощущение простора и строгости. В воздухе витает едва уловимый запах кофе, смешанный с лёгкими нотками дерева. Здесь всё дышит минимализмом, но не холодным, а уютным – с персональными штрихами Киры. На одном из столиков у стены стоит небольшой горшок с суккулентом, а на стене висят фотографии с юридических конференций и наград.

Молодая девушка за стойкой отвлекается от монитора и приветливо улыбается, поднимая на меня внимательный взгляд.

– Добрый день. У вас назначена встреча с Кирой Викторовной?

– Да, Дарья Константиновна Ковалевская, – отвечаю я, слегка кивнув.

Девушка утвердительно кивает и указывает на встроенный шкаф вдоль стены.

– Можете оставить верхнюю одежду здесь. Я пока предупреджу Киру Викторовну о вашем прибытии.

– Спасибо, – говорю я и, сняв шубу, вешаю её на плечики в шкафу.

Когда девушка возвращается, она сообщает:

– Кира Викторовна уже ждёт вас.

Я вхожу в кабинет, и мой взгляд тут же скользит по простору комнаты. Светлый интерьер подчёркивает строгость дубового стола, за которым сидит Кира. Она сосредоточенно просматривает документы, но, подняв глаза и заметив меня, тут же улыбается.

– Даш, проходи, – говорит она, отодвигая бумаги в сторону. – Как ты?

– Вопрос из вежливости или чтобы понять, как я переживаю? – отвечаю я с лёгкой иронией, сев в удобное кресло для посетителей.

– Считай, что и то, и другое, – отвечает она с лёгким смешком.

– Ну... держусь, как могу, – признаюсь я. – Сама понимаешь, развод – дело не самое приятное.

Кира кивает, её взгляд становится серьёзнее.

– Даш, я могу задать личный вопрос?

Я киваю. От Киры я не планирую что-либо скрывать.

– Что послужило поводом? Или, может, кто?

Я молчу, встречаясь с её глазами. Мне нравится эта её черта – прямолинейность, но при этом без давления. Кира всегда говорит ровно столько, сколько нужно, чтобы ты сам принял правильное решение.

– Как говорится, не в бровь, а в глаз, – усмехаюсь.

– Пётр тебе изменил?

Я киваю.

– Ты его поймала с поличным? – её взгляд остаётся спокойным, но я замечаю, как её пальцы чуть напрягаются на столе.

– Пока нет, – признаюсь я. – Но есть все основания полагать, что его "суррогатная мать" – на самом деле любовница.

Кира приподнимает бровь.

– Какая ещё суррогатная мать?

– Беременная такая, Кир, – ирония так и хлещет из меня.

– Так, стоп. Мне нужно что-то покрепче воды, – Кира встаёт и отходит к кофемашине. – Чай? Кофе?

– Капучино, если можно, – говорю я, наблюдая, как она управляется с кофемашиной.

– Конечно, секундочку, – отвечает она, занимаясь кофе.

Пока Кира занята, я открываю телефон, захожу в "облако" и нахожу нужный документ.

– Я сейчас отправлю тебе наш брачный контракт. Думаю, тебе стоит его посмотреть, – говорю я, отправляя файл на её почту.

– Отлично, – откликается Кира, возвращаясь с двумя чашками капучино и маленькими запечатанными ломтиками шоколада на блюде. Один кофе она ставит передо мной, а второй – возле своего ноутбука, прежде чем занять место напротив.

– Контракт уже у меня, – говорит она, открывая файл. Её пальцы быстро бегают по клавишам, взгляд сосредоточен.

В кабинете воцаряется тишина, нарушаемая лишь лёгкими щелчками клавиш. Я делаю глоток кофе, наблюдая за тем, как Кира углубляется в чтение. Её брови слегка поднимаются, она что-то шепчет себе под нос, а затем её лицо озаряет лёгкая усмешка.

И только сейчас она позволяет себе сделать большой глоток кофе.

– Ну, – произносит она, наконец отрывая взгляд от экрана. – Контракт хороший, с таким можно работать. Видно, что над ним потрудились профессионалы.

– Это я тоже заметила, – отвечаю я, чуть усмехнувшись.

Кира продолжает изучать документ, её взгляд становится внимательным, почти цепким.

– А вот и пункт про измену... – говорит она, остановившись. – Он может стать ключевым.

– Только если удастся доказать, что она не суррогатная мать, а любовница, – сухо отвечаю я, глядя на Киру.

Она закрывает ноутбук, складывает руки на столе и внимательно смотрит на меня.

– Даш, расскажи всё подробнее. Что ты знаешь об этой женщине?

Я выдыхаю и начинаю:

– Её зовут Яна. Она молодая, уверенная в себе, слишком вызывающая, чтобы быть просто суррогатной матерью. Живёт в нашей городской квартире, носит мой халат, – я не могу удержаться от усмешки. – И, судя по её разговорам, она

уверена, что скоро станет законной женой.

Кира приподнимает бровь, слушая мои слова.

– А что говорит Пётр?

– Всё отрицает, – отвечаю я с ноткой раздражения. – Утверждает, что Яна – суррогатная мать, что ребёнок – наш, и что он хотел сделать мне подарок.

– Ты ему веришь? – спрашивает Кира, слегка наклоняясь вперёд.

– Нет, – твёрдо говорю я. – После всего, что я видела, нет.

Она кивает, поджав губы, и на несколько секунд замолкает, видимо, обдумывая услышанное.

– Даш, нам нужно всё это доказать, – говорит она наконец. – Пункт об измене в контракте можно использовать только с доказательной базой.

– Как мы её получим? – спрашиваю я, чувствуя, как внутри поднимается напряжение.

Кира слегка хмурится, будто рассматривает варианты.

– Нанимаем частного детектива, – уверенно говорит она. – Если Яна действительно его любовница, детектив это подтвердит: их встречи, переписки, совместные покупки. Всё это можно использовать в суде.

Я обдумываю её слова, делая медленный глоток кофе.

– А если детектив ничего не найдёт?

– Тогда переходим к плану "Б", – отвечает она с лёгкой улыбкой. – Раздел имущества. По контракту ты защищена, но я постараюсь найти способы, чтобы ты получила макси-

мум.

Я киваю, внутренне соглашаясь с её словами.

– Кира, я хочу, чтобы всё это закончилось как можно быстрее, – говорю я, замечая, как желание закрыть эту главу становится всё сильнее.

– Даш, это не будет просто, – мягко говорит она. – Но у тебя сильная позиция. Главное – сохранять спокойствие.

– А я спокойна, Кира. Я просто хочу забрать всё, что при-
читается мне. Но больше всего, я хочу просто поставить точку на этом браке.

Кира улыбается и поднимает чашку кофе.

– Вот это правильный настрой, – говорит она. – За тебя, Даша.

Я улыбаюсь и поднимаю свою чашку.

Глава 12

После того как мы с Кирой обсудили тему моего развода, мы решили поужинать в ресторанчике через дорогу от её офиса. За ужином мы договорились не касаться темы моего мужа и просто насладиться вкусной едой. К нам присоединился коллега Киры – Тимофей, который явно проявлял ей знаки внимания. Кира же делала вид, что ничего не замечает. Интересные всё-таки у юристов ролевые игры.

И вот спустя два часа, когда стрелки часов показывают почти девять вечера, я подъезжаю к дому. Слава мягко притормаживает у ворот.

– Дарья Константиновна, нужно будет заехать утром? – спрашивает он, разворачиваясь ко мне.

– Нет, Слава, утром я сама разберусь, – отвечаю я, собирая сумку. – Спасибо, можешь ехать.

– Хорошего вечера, – говорит он с лёгким кивком.

Я выхожу из машины, ключи звенят в руке. Дом выглядит тихо, безжизненно. Свет на первом этаже выключен, а подъездные огни бросают длинные тени на фасад.

Когда я открываю дверь, в прихожей меня встречает неожиданная картина. Три чемодана аккуратно выставлены вдоль стены. Они выглядят так идеально, словно кто-то хотел подчеркнуть их значимость в этом пространстве.

Я останавливаюсь на пороге, медленно осматривая их.

Моя рука всё ещё сжимает ключи, а внутри нарастает странное ощущение. Это напоминание. О нём. О том, как он всё ещё пытается держаться за эту иллюзию семьи, которую мы когда-то строили.

Даже сейчас он не внял моим словам. Потому как ещё можно объяснить его вещи в этом доме.

Проходя мимо чемоданов, я стараюсь не смотреть в их сторону, но тянущая тяжесть в груди не даёт полностью отвлечься.

Я снимаю обувь и скидываю шубу, после чего поднимаюсь наверх. В спальне темно, только лунный свет, пробивающийся сквозь полупрозрачные шторы, мягко освещает комнату. Кладу сумку на кресло и на несколько секунд замираю. Такое ощущение, что комната стала ещё холоднее и отчуждённой. А ведь я не ночевала здесь всего лишь одну ночь.

Тяжело сглотнув, я раздеваюсь до нижнего белья и направляюсь в ванную. Перед тем как войти в душевую, я всматриваюсь в своё отражение в зеркале, будто пытаюсь понять: когда я стала такой? Слишком спокойной. Я не помню, когда в последний раз кричала или закатывала истерику. До тридцати я вспыхивала, как спичка. Возможно, это годы меня умили. Или, скорее всего, обстоятельства жизни. Потерю ребёнка разве истерикой вернёшь?

А расположение мужа?

С точки зрения генетики, мне повезло. Моё тело всё такое же подтянутое, как и десять лет назад. Благодаря правиль-

ной косметике и косметологам моё лицо не выдаёт прямого ответа на возраст. Мужчины обращают на меня внимание, и Демидов тому явное подтверждение.

Но почему тогда Пётр перестал замечать меня?

Или всё-таки я перестала видеть в нём мужчину?

Но когда?

Не найдя ответа в своём отражении, я избавляюсь от белья и захожу в душевую кабину. Настраиваю воду чуть теплее, чем просто горячая.

Вода мягко обволакивает тело, прогоняя остатки холодного воздуха, который словно тянется за мной из спальни.

Я закрываю глаза и позволяю воде обрушиться на меня, смывая всё, что накопилось за этот длинный день. А он был чертовски длинным и насыщенным.

Но вместо облегчения внутри всё начинает бурлить, словно горячая вода пробуждает старые раны.

Пять лет назад. Частная клиника. Белоснежные стены, стерильный запах. Всё вокруг выглядело идеально, но внутри меня была только пустота.

Доктор стоял у моей койки. Его лицо было спокойным, голос мягким, но в нём звучала нотка извинения.

– Дарья Константиновна, мы сделали всё возможное, но...

Я не слушала. Слова рассыпались на тысячи осколков. Единственное, что я ощущала, – это холод, медленно расползающийся по телу.

И пустота. Мне казалось, что я стала чёрной дырой, втя-

гивающей всё вокруг. Я не хотела, чтобы Петя оказался за-тянут в неё.

Он на каком-то своём уровне понимания осознавал, что я стала другой. И мы окончательно стали чужими. Он ушёл в работу, а я замкнулась. Мы перестали спать в одной спальне. Сначала это казалось временным. Он хотел дать мне пространство, чтобы я смогла восстановиться. Но время шло, и его кровать в гостевой комнате стала привычным местом.

Той ночью, несколько месяцев спустя, я не выдержала. Лежа одна в своей кровати, я смотрела на свет луны, который мягко ложился на книжный столик. Я чувствовала, как эта тишина разрывает меня на части.

Я поднялась с постели и пошла в его спальню. Свет ночника освещал комнату, и я увидела его: он сидел на кровати, наклонившись вперёд, с телефоном в руках, что-то печатая.

– Пётр, – позвала я его.

Он поднял голову. Вроде такой родной, но такой далёкий.

– Даша? – его голос прозвучал обеспокоенно.

"Неужели волнуется за меня?" – мелькнуло у меня в голове.

– Я хочу развода, – сказала я, глядя ему прямо в глаза.

Пётр поднялся. Его лицо оставалось спокойным, но я видела, как мышцы на челюсти слегка напряглись.

– Ерунду не говори. Мы семья, Даша, – произнёс он, обнимая меня. Его голос дрожал, как и его руки. – Мы через это пройдем. Вот увидишь. Мы столько лет с тобой прожи-

ли. И я не вижу своей жизни без тебя. А ты видишь?

Он прижал меня к себе сильнее, нашёл мои губы, и мы поцеловались. Я впервые за долгое время почувствовала тепло. Это был первый поцелуй за долгие месяцы.

Мы провели ту ночь вместе. В его объятиях я чувствовала, что нас ещё что-то связывает. Но наутро он снова ушёл в гостевую спальню.

И больше не вернулся.

Иногда мы утоляли физический голод, но былой страсти уже не было. И честно, я не понимаю, почему я не настояла тогда на разводе. И зачем Пётр держался за меня.

Вопросы, которые так и остались без ответа...

Горячая вода становится слишком горячей. Я открываю глаза и выключаю душ, резко выдыхая.

Обернувшись махровым полотенцем, я выхожу из ванной, ощущая, как пар мягко струится за мной, обволакивая тело.

Но стоило мне открыть дверь, как я резко останавливаюсь.

Посреди спальни стоит Пётр.

На мгновение я замираю, словно время замедляется. Он выглядит почти так же, как тогда, в ту ночь: в чёрной рубашке с закатанными рукавами, волосы чуть растрёпаны. Но его глаза... в них нет ни боли, ни растерянности. Только напряжение и ожидание.

– Дарья, – произносит он, его голос тихий, но в нём звучит твёрдость. – Я не уйду, пока мы с тобой не поговорим.

Глава 13

Несколько секунд я просто смотрю на своего мужа. Я не боюсь его – он в жизни не поднял на меня руку, но сейчас в его глазах горит какой-то неизвестный мне блеск. Не злость, нет, это что-то другое. Я никогда не видела его таким раньше. Или просто не доводила до этой степени?

Моё тело будто застыло. Я сжимаю край полотенца, чувствуя, как ткань впивается в пальцы. Попытка взять себя в руки.

Я мотаю головой, пытаюсь сбросить нарастающее напряжение, и делаю шаг в сторону, чтобы обойти его.

– Дарья, нам нужно поговорить, – повторяет он. Его голос звучит тихо, но в нём явно чувствуется железная твёрдость.

Я замираю, сжимая полотенце ещё крепче. Моё сердце бьётся так громко, что кажется, он может это услышать.

– Пётр, не здесь и не сейчас, – отвечаю я, делая ещё один шаг в сторону.

Но он движется быстрее, перекрывая мне путь своим широким плечом. Я чувствую запах его парфюма, смешанный с чем-то терпким.

– Нет, Даша. Хватит. Ты слишком долго убегаешь, – говорит он, слегка приподняв подбородок. – Мы должны поговорить.

– О чём, Пётр? – резко бросаю я, чувствуя, как внутри всё

начинает закипать. – О том, как ты разрушил наш брак? О том, как ты превратил нашу жизнь в ложь?

Его челюсть напрягается, а в глазах вспыхивает ярость.

– Я разрушил? – его голос эхом отзывается в моей голове. – Это я разрушил, Даша? А ты? Где была ты?

– Что ты имеешь в виду? – мои руки сжимают край полотенца ещё сильнее, ногти впиваются в ладони.

– Ты замкнулась, – его голос на грани срыва, но он держится. – После той клиники, после... – он замолкает на секунду, стиснув зубы. – Ты стала холодной, как лёд. А я? Я пытался... Я хотел вернуть нас, но ты была уже не со мной.

– Ты ушёл, Пётр, – резко отвечаю я, чувствуя, как слова срываются с губ. – Ты ушёл в свою работу, в свою гостевую спальню. Ты перестал быть рядом.

– Я ушёл? – он делает шаг ближе, и его энергия буквально обжигает меня. – Да, я ушёл в работу, потому что это был единственный способ держаться, когда ты выстроила вокруг себя стены. Ты знаешь, каково это – жить с человеком, который смотрит на тебя, будто ты чужой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.